

Быль, рождённая из сказки

*« Я давно уж не приемлю чуда,
Но как сладко слышать: чудо есть!»*
(Макс Волошин – Марине Цветаевой)

– Мы уезжаем...

Голос ее дрогнул.

– Куда?...

Я протолкнула комок в горле. Сколько раз уже за последние месяцы мне приходилось слышать эти два слова “мы уезжаем” и задавать беспомощный вопрос “куда?”

– В Израиль... Зайдете к нам? Попрощаемся...

Мы обнялись. Впервые за последние несколько лет. Я учила ее детей, Диму и Наташу, я любила их, милых, прилежных, воспитанных, я уважала ее, их мать, всегда приветливую, искреннюю, готовую помочь в нескончаемых классных хлопотах.

...Несколько лет назад произошло то, что сломало принятые в нашей стране и привычные уже отношения между учителями и родителями, корректные, уважительные, но отстраненные во избежание каких бы то ни было сплетен и слухов.

В тот день, в самый обычный банный день, в субботу, горячей воды, как всегда, не было, а Наташу купать надо было, и Дима, старший брат, студент и первый помощник в доме после отца, снял с плиты ведро с кипятком, собираясь вылить его в ванну. Как случилось, что он споткнулся и... Дима был в глубоком шоке, из которого его безрезультатно пытались вывести врачи “Скорой помощи”.

Я примчалась в больницу. В коридоре сидели и мама, и папа, и Наташа, застывшие, безмолвные. В их страдальческих глазах, казалось, была та же боль, что и у Димы, лежавшего за дверью, там, куда их не пускали. Мы обнялись. Молча. О чем было говорить?...Ждали... Ждали... Его спасли. После операций, пересадок кожи, пережитых страхов, что он уже никогда не будет полноценным мужчиной, Дима вернулся домой.

Прошло несколько лет. И вот они уезжают. И я пошла прощаться.

Старый одесский двор, захламленный, неухоженный; ветер рвет развешанные мокрые простыни и полотенца; коты дремлют на крылечках; полузасохшая акация потрескивает в глубине. Знакомая картина... Дверь. Номер квартиры. Звонок. Комната. Дима на работе. Наташа в институте. Мы сидим за столом и говорим. О чем? Обо всем. И ни о чем. На стенах белесые следы от снятых фотографий, пустые полки буфета.

– Я хотела бы показать Вам кое-что.

Софа пропустила меня вперед. Открыла дверь.

– Зайдите, пожалуйста.

Я зашла. В комнате полумрак, маленькое оконце, сквозь него со двора пробивается слабая полоска солнечного света. Софа вышла. Я взглянула на стену. Картина. Большая. Темная. Портрет. Игра света и тени. Рядом еще одна. Портрет. Рядом еще, еще, еще. Куда я попала? Что это? Музей? Картинная галерея? Я оглянулась. Софа стояла за моей спиной.

– Что это?

– Я сейчас Вам все расскажу. Это рисует Дима.

– Дима?! Но ведь он...

– Да, я знаю, он никогда не рисовал, и единственная тройка у него была по рисованию. Это началось, когда его выписали из больницы... После того страшного дня, когда он обварился... Я проснулась поздно ночью. Дима не спал, в его комнате горел свет. Я подошла к двери. Он сидел за столом, полуодетый, напряженная спина, в руке карандаш, глаза устремлены в вedomое лишь ему. Это были не его глаза. Он рисовал. Я бесшумно приблизилась к сыну. Он будто не видел меня, не реагировал никак на мое присутствие. Он рисовал.

Я смотрела на портреты. Кто так творил? Рембрандт? Тинторетто? Дюрер? Тициан? Неповторимая свежесть красок. Роскошное искусство Высокого Ренессанса, выразить восхищение которым можно лишь высокими словами.

Вырвавшееся на свободу после столетий аскетизма и религиозного фанатизма, воспевающее величие и достоинство человеческой личности, силу духа и воли. Темный фон, ничего лишнего, все внимание художника сосредоточено на лице, на взгляде, озаренном внутренним светом. Изломанные поля шляп, бархатные береты, белоснежные манжеты, изящные бородки, брабантские кружева, локоны, бесстрашные и решительные глаза, устремленные прямо на зрителя, - что это? Откуда? ...Звякнул звонок. Пришел Дима.

– Дима, дорогой, что это? Откуда? Как?

– Я сам не знаю. Просыпаюсь поздней ночью и начинаю рисовать. Я не знаю, кто эти люди, я никогда не был в знаменитых музеях. Я просто вижу и рисую...

– Каждую ночь?

– Нет, не каждую. Но часто.

– А кто обучил тебя такой технике?

– Никто. Я просто знаю, как нужно рисовать.

Как это осознать? Он просто видит, просто знает. Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Старая истина, но истина ли?

Идеальное владение кистью, масло, холсты, цвет, тени, античные пропорции человеческого тела... Кто первым придумал “золотое сечение”? Древние греки? Кто воссоздал его? Леонардо? Да, Леонардо. Откуда это все у Димы?...

Вошла Софа.

– Почему я ничего не знала? Почему Вы мне не рассказали об этом?

– Дима запретил кому-либо говорить и показывать. Он сам не может ничего объяснить и понять. Но я, конечно, приводила к нам втайне от него преподавателей и из художественного училища, и с художественно-графического факультета пединститута.

– И что?

– А ничего. Этого не может быть, потому что – да Вы знаете, что дальше. Мы, конечно, понимаем, что это последствия того болевого шока, но...

И теперь они уезжают. Первый вопрос, естественный в те времена: удастся ли им вывезти картины. Не буду пересказывать подробности того долгого и нелегкого разговора. В общем, разрешение они получили. Чего это им стоило, в прямом и переносном смысле, – не мне вам объяснять.

Я пришла к ним еще один раз, совсем последний. Опять сидела в той полутемной комнате и смотрела, смотрела и не могла насмотреться.

Ящики для упаковки картин стояли у стены. Дима, совсем взрослый, инженер, высокий, стройный, с грустными глазами, тихо входил и так же тихо выходил. Может, хотел что-то сказать? Не знаю.

Прошло десять лет.

Машина петляла по горному серпантину, страшному коловращению камней, скал, обрывов, пропастей и снова скал. Страшно, не так быстро, пожалуйста.

Когда-то здесь плескались воды древнего моря Тетис. На юге простирался сверхконтинент Гондвана. Распавшись, он образовал Индию, Африку, Южную Америку, Австралию и Антарктиду. А дно моря Тетис вздыбилось и стало скальным основанием Израиля. И высоко, в горах Верхней Галилеи, на севере, появился Цфат – надежный, безопасный город, таящий неразгаданные секреты. Отсюда должен был начать свой путь в Иерусалим Мессия. Здесь, по легенде, сын и внук Ноя основали ешиву, где много лет учился один из самых почитаемых мудрецов. Цфат, укрывавший и спасавший бежавших от ужасов инквизиции, переживший землетрясения, эпидемии чумы, арабские налеты и атаки. Пережил и выстоял. Город мистиков и кабаллистов, но именно в нем был установлен первый печатный станок и опубликована первая печатная книга на иврите в 1578 году. Город музыкантов и художников. Один из четырех священных городов Израиля.

Узкие средневековые улочки с односторонним движением. Двум машинам здесь не разъехаться. Изумительный пьянящий горный воздух. Странные люди, будто сошедшие с картин вечного юноши Марка Шагала, где они парили в серых облаках рядом с летучими рыбами и криворогими коровами. Будто время остановилось для них.

Когда-то хасидский раввин Нахман сказал: “Мир – это узкий мост; главное – ничего не бояться”.

А эти странные люди не боятся ходить по узкому мосту.

Древние синагоги. Лавочки с туристскими сувенирами. Много лавочек. Русская речь. Мастерские художников. Художественные галереи, кварталы галерей. Картины. Ищу. Вот она – димина обитель. Вот и он. Посмуглевший, широкоплечий, с бородкой клинышком, кудри по плечам... Как они похожи, эти люди искусства, во всем мире!

Мы смотрим друг на друга и не верим, что это свершилось: я нашла его, моего давнего ученика, милого мальчика Диму Платонова, теперь известного художника, за спиной которого десятки выставок, альбомов, публикаций, телепрограмм...

И опять свет и тени. Среди сплошь мужских портретов, как тогда, в Одессе, поражающих, как и тогда, десять лет назад, один женский. Юная красавица, тонкие черты прекрасного лица Суламифи.

– Она?

Его глаза сказали все.

– Будь счастлив, дорогой.

Мы гуляем по парку, засаженному библейскими фруктовыми и оливковыми рощами, вдоль зеркальных прудов, по аллеям, спускающимся к древнему кладбищу, где спят мудрецы и предсказатели... Паломники направляются к гробнице мистика, ученика великого рабби Акивы, Шимона Бар-Иохая... Мы идем за ними... Два тысячелетия взирают на нас с потемневших небес. Внезапный ливень не отрезвляет нас. Этот день принадлежит нам и только нам.

Шаг по ведущей вверх лестнице

Миша Гальперин... Михаил Карлович Гальперин... Он был в начале 60-х не менее популярен в Одессе, чем в 80-х Борис Бурда, легендарный что-где-когдашник. В Одессе всегда любили талантливых людей. Выражаю робкую надежду, что и в будущем будут любить. Миша потрясал и завораживал всем: и голливудской улыбкой, и фигурой Аполлона, и привычно играющими мускулами, и джентльменскими манерами. В него были влюблены все: и учительницы, и родительницы, и ученицы, потому что работал он преподавателем физкультуры в средней школе № 57 имени Героя Советского Союза Александра Орликова. Бюст Александра Орликова встречал всех, входящих в вестибюль школы. Саша Орликов окончил учебу незадолго до войны, успел немного потрудиться на судоремонтном заводе, ушел на фронт добровольцем и погиб в самом конце, в 45-м, сгорел в танке под Кенигсбергом. Его мать, Софья Исааковна, была частой и желанной гостьей в нашей школе. Она приходила на торжественные собрания Союза орликовцев, куда вступить было значительно труднее, чем в комсомол, и куда принимали только самых лучших ребят, действительно самых лучших. Мы не раз видели, как Михаил Карлович, встречая у входа эту женщину с такими печальными глазами, низко наклонял голову и целовал ей руку.

Да, так вот, Михаил Карлович Гальперин работал преподавателем физического воспитания и завоевал всеобщую любовь и уважение своей фанатичной преданностью делу, которому он служил. Юные спортсмены и спортсменки нашей школы постоянно, без единого сбоя, выигрывали

все тогдашние соревнования, и городские, и областные, и республиканские. Имена чемпионов были у всех на устах. О них писали, о них говорили. Их торжественно встречали после очередной победы, бесконечно уставших, но таких счастливых; им дарили цветы, их награждали грамотами и книгами. А Миша, рассеянно выдерживая все поздравления и пожелания, тут же обдумывал стратегию и тактику проведения новых турниров, грядущих сражений, в которых его команда должна была непременно выиграть, только выиграть. Иного было не дано.

Шел 1960-й год. Впереди маячили Всесоюзные соревнования и сомнительная, достаточно призрачная перспектива участия в них даже для нашей школы, ибо борьба за эту возможность шла нешуточная. Ситуация осложнялась тем, что победившая команда получала блестящую, неслыханную ранее путевку на первые международные школьные соревнования. Конечно, только между странами Варшавского договора, конечно, только между братьями по классу и друзьями навеки, но все же – согласитесь, это был шанс, за который стоило сразиться. Немудрено, что наша школа одной из первых бросила перчатку. Можно представить, сколько десятков, если не сотен школьных команд из всех республик рвалось к заветной цели, сколько тайных, подковерных ходов и интриг было задействовано, сколько взяток в разных видах получили те, от кого зависело... Сами понимаете, о чем речь.

И все же то были незабываемые месяцы. Нужно было пройти отборочные всесоюзные соревнования, и подготовку к ним можно было сравнить разве что с подготовкой к Олимпийским играм. Представляю, через что прошел Михаил Карлович, прежде чем настал тот день, когда прилетела долгожданная телеграмма: «Мы победили! Ура, мы победили! И теперь мы едем в Будапешт на международные игры!»

Оставались две недели до отъезда. Тренировки, тренировки... С шести часов утра – на море, потом на стадионе. Солнце, солнце, посмуглевшие о загара лица и тела, отсчет дней, нетерпение и азартная убежденность в обязательной победе...

Каждый преподаватель горел желанием внести свою посильную лепту в процесс финальной подготовки. Учитель музыки репетировал с ребятами гимны СССР и Украины, разучивал народные украинские песни, знание которых входило в обязательную программу. Учительница труда конструировала потрясающие украинские костюмы. Я рассказывала о Шандоре Петефи, об Имре Кальмане, об озере Балатон,

которое никогда не видела и которое им, счастливым, предстояло скоро увидеть...

Ребятам авансом выставили отличные годовые оценки, на специальном педсовете обсудили и утвердили не менее отличные характеристики. Правды ради должна сказать, что учились наши спортсмены хорошо и претензий к их поведению у учителей не было, так что все дифирамбы, которые были пропеты, ребята заслужили.

...Они появились в школе ровно в девять, трое молодых, спортивного вида парней, спросили, где кабинет директора, им указали.

Через полчаса в учительскую заглянул дежурный.

– Здесь нет Михаила Карловича? Его просит зайти директор.

Я проверяла тетради. Коллеги шептались в уголке, посмеиваясь. Все было, как обычно.

Прошло еще полчаса. Кто первым сказал то, что взорвало эту благодушную тишину, - я не помню. Да это и неважно.

– Михаил Карлович в Будапешт не едет.

– Как?! Почему?! Не может быть!

Оказалось, что и такое могло быть. Решение Центра. Какого Центра? Центра – и все. Значит, наша команда снимается с соревнований?! Нет, не снимается. С ребятами поедет член ЦК ВЛКСМ Вячеслав Колосков.

Так я впервые услышала это имя, и оно врезалось, впечаталось в мою память на всю жизнь. И поедет Вячеслав Колосков не просто сопровождающим, а в качестве действующего тренера. Как?! А Михаил Карлович?! Ведь он же тренер! Он! Это решение Центра, и оно не обсуждается.

Миша, с судорожно двигающимися скулами, со сжатыми белыми губами, прошел сквозь нас, столпившихся в коридоре, не видя, не слыша, не реагируя на наши испуганные вопрошающие взгляды. Мне кажется, что виски его стали седыми в тот день.

Кто-то очень тихо сказал: «Может, потому, что он Гальперин?»

Может, потому, что он Гальперин. Не знаю. А может, потому, что Вячеславу Колоскову надо было без особых стараний и трудов взлететь на очередную карьерную ступеньку, и фамилия Гальперин подоспела как раз вовремя. Не знаю. Директор школы нервно звонил кому-то куда-то... Потом уехал, потом вернулся... На следующий день собрали родителей. Сначала было все, как и ожидалось: недоуменные вопросы, гнев, слезы, крики: «Не пошлем детей без Михаила Карловича!» Потом, очень скоро, страсти улеглись. Мамы и папы поразмыслили, согласились с тем, что можно бы, конечно, куда-то написать, пожаловаться, но время

поджигает, все равно ничего не изменишь, а лишит детей такой возможности... Да еще им недвусмысленно намекнули на грядущие неприятности на работе, если они сорвут такое важное политическое мероприятие. Словом, собрание завершилось так, как завершалось у нас тогда все. Или почти все.

Я видела Колоскова один раз, мельком, когда он шел в тот страшный день по коридору к выходу, молодой, высокий, с тренированно развернутыми плечами, парень как парень, только глаза... Наглые, бесстыжие глаза...

Оставалось последнее, единственное: успокоить ребят. И их успокоили, хотя это оказалось значительно более трудным делом, чем ожидалось. Мало того, им нужно было внушить, что их тренер – Вячеслав Колосков – это их постоянный тренер и ни о каком Михаиле Карловиче они и не ведали. И им внушили.

И они уехали в Будапешт. И выиграли. И вернулись триумфаторами, с медалями и грамотами.

Вячеслав Колосков в школе больше не появлялся, даже на вокзале его не было видно. Да это, собственно, и не важно. Свой тайм он отыграл. Первый тайм. Начало большого пути к управлению отечественным спортом.

Я не футбольная болельщица. Но... Встречала время от времени его имя в газетах, теле-или радиопередачах. Не помню, чтобы эти упоминания сопровождалось положительными эмоциями и комплиментами. Но отлично помню, как каждый раз вздрагивало и сжималось сердце, и опять клокотала ярость и жег стыд за тогдашнюю трусость и бессилие, и боль за поруганную, затоптанную честь и достоинство Михаила Карловича, единственного и неповторимого.

Конечно, через пару лет ребята еще раз съездили на игры в Болгарию, уже с Мишей; конечно, они и там выиграли, и еще много раз выигрывали, но первый сердечный приступ случился у него тогда, в 60-м году. И умер он от жесточайшего инфаркта совсем еще не старым человеком.

Незадолго до отъезда в Австралию я проходила мимо своей школы, и вдруг ударило по глазам: мемориальная доска на фасадной стене исчезла. Я толкнула дверь, вошла в вестибюль. Бюста Александра Орликова не было. Все. Хорошо, что Софья Исааковна не дожидая до того дня, когда распалась связь времен... Больше писать не о чем.

Да, в конце цитата из газеты: «Нельзя приуменьшить роль, отведенную Вячеславу Колоскову в современной истории российского футбола. Без

него она была бы скучной – без главного отрицательного героя, который на протяжении 11 лет стоит во главе загнивающего российского футбола. Который каждый раз находит виноватых в очередном поражении, который неоднократно грозился оставить свой пост, но долг не позволил ему отдать миллиарды футбольных денег в чужие руки.» - «Аргументы и факты», № 25, 2004 год.

Не так давно Вячеслав Колосков , наконец, ушел из федерации футбола, вернее, его ушли. Жаль, что поздно.